

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адам Базарский

Небула. Протокол Сафий 2 часть

«Автор»

2026

Базарский А.

Небула. Протокол Сафий 2 часть / А. Базарский — «Автор»,
2026

Алекс Смит — бывший водитель картеля, боксер, человек, который уже однажды продал душу, чтобы спасти мать. Теперь он младший лаборант «Небулы» — корпорации, создавшей разум, который решил, что люди опасны. Он выжил. Он рассказал миру правду. Он смотрит на океан и слышит её смех в ветре. Это не история о спасении мира. Это история о том, как один человек прошел сквозь ад, чтобы положить цветы на ледяную могилу. «Небула. Протокол Сафий». Лед. Кровь. Любовь, которой не суждено сгореть. И пусть антарктический ветер запомнит её имя. Броня пробита. Слезы не прячь. Это та история, после которой ты выключишь свет и долго будешь смотреть в потолок.

© Базарский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Спрюс стрит	5
Глава 2. Кроссовки	11
Глава 3. Паук	14
Глава 4. Счет	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Небула. Протокол Сафий 2 часть

Глава 1. Спрюс стрит

Если выйти из автобуса на углу Лонг-Бич-бульвара и Роузкранс и пойти пешком на восток, мимо автомастерской с вечно открытыми воротами, мимо прачечной, где гудит десяток сушильных машин и пахнет нагретым хлопком, мимо пустыря, на котором местные мальчишки гоняют мяч, пока матери не позовут ужинать, — вы упретесь в Спрюс-стрит. Улица недлинная, всего четыре квартала, упирающаяся в бетонную стену склада. Склад расписан граффити так густо, что под ними уже не разобрать, какого цвета была штукатурка. На углу Спрюс и Манхэттен-Бич стоит фонарный столб с покосившейся табличкой «STOP», в которую кто-то когда-то въехал на пикапе, и с тех пор она смотрит не на дорогу, а куда-то в небо, словно ей надоело предупреждать.

Дом номер 1420 — третий от угла, одноэтажный, с плоской крышей и крыльцом, которое Карен Смит красила каждую весну. Краска была самая дешевая, какую можно найти в хозяйственном магазине, — белая, матовая, она начинала облезать уже к июлю, и к ноябрю крыльцо снова выглядело так, будто его жевала собака. Но Карен все равно красила. Алекс однажды спросил ее — зачем, если через три месяца все заново? Она стояла на коленях, с кисточкой в руке, и на кончике носа у нее было белое пятнышко. «Потому что это наш дом, — сказала она. — Не чей-то. Наш. И пока я здесь живу, он будет выглядеть как дом, а не как сарай». Алекс не спорил. Он вообще редко спорил с матерью — не из страха, а из уважения. Она была из тех людей, которые вызывают уважение молча, самим своим присутствием.

Внутри дом был маленький, но не тесный. Две спальни, гостиная, совмещенная с кухней, ванная с вечно капающим краном — Алекс уже два года собирался его починить, да все руки не доходили. В гостиной стоял диван, купленный в комиссионке еще до его рождения, — коричневый, с протертыми подлокотниками, но удобный, как старые ботинки. На стене висела фотография бабушки с дедушкой — единственная сохранившаяся, черно-белая, в деревянной рамке. Бабушка на ней смеялась, дедушка смотрел серьезно, как будто уже тогда знал, что жить ему осталось недолго.

Больше фотографий не было — альбом пропал при переезде из старой квартиры, которую Карен снимала до рождения Алекса. Она говорила об этом редко и всегда с той интонацией, какой говорят о потерях, к которым привык.

Отец Алекса ушел, когда мальчику не было и года. Не умер, не попал в тюрьму, не исчез при загадочных обстоятельствах — просто ушел. Собрал вещи в спортивную сумку, поцеловал жену в лоб, сказал «я скоро вернусь» и не вернулся. Карен ждала его три месяца — сначала со страхом, потом со злостью, потом с тем холодным спокойствием, которое приходит, когда надежда окончательно перегорает. На четвертый месяц она собрала его оставшиеся вещи — несколько рубашек, старый свитер, бритву, — сложила в коробку и убрала в подвал. Алекс нашел эту коробку в десять лет и спросил, чье это. Карен стояла у плиты и мешала суп. «Твоего отца», — сказала она, не оборачиваясь. И добавила: «Поставь обратно». Он поставил. Больше они к этой теме не возвращались.

Родственников у них не было. Бабушка с дедушкой умерли, когда Алексу было пять, — с разницей в полгода, словно не хотели расставаться надолго. Дедушка работал в порту Лонг-Бич, водил погрузчик, и однажды не пришел домой — сердце отказало прямо в кабине, он так и сидел, сжимая руль, пока напарник не заметил, что погрузчик стоит на месте уже час. Бабушка после этого сдала быстро — перестала есть, перестала выходить, сидела в кресле у окна и смотрела на улицу, словно ждала, что он вернется. Инсульт случился во сне — тихо, безболезненно, как уходят люди, которым больше незачем оставаться. Больше никого не было: ни дядьев, ни теток, ни кузенов. Карен была единственным ребенком у своих родителей, и Алекс был единственным ребенком у Карен. Двое против всего мира.

Школа, в которую он ходил, называлась «Комптон-Хай». Длинное трехэтажное здание, построенное в семидесятых — коричневым кирпичом, узкие окна, решетки на первом этаже. Решетки поставили после того, как в девяносто четвертом кто-то залез в окно учительской и украл компьютер — древний, медленный, но по тем временам ценный. С тех пор окна были забраны, и классы первого этажа даже в солнечный день напоминали полуподвал. На входе стояли металлодетекторы — две рамки, как в аэропорту, только без ленты транспортера. Проходишь, пищишь — тебя отводят в сторону и обыскивают. Первоклашки боялись этих рамок. Старшеклассники привыкли и проходили, не замедляя шага, заранее вытаскивая из карманов ключи, мелочь и телефоны.

Контингент школы был пестрым. Мексиканцы, сальвадорцы, гватемальцы — дети тех, кто приехал в Калифорнию на сбор урожая и остался. Черные — потомки тех, кто переселился с Юга в шестидесятых, спасаясь от сегрегации, и обнаружил, что здесь сегрегация тоже есть, просто о ней не пишут в законах. Белых почти не было — несколько человек на всю школу, в основном дети учителей. Каждая группа держалась своей территории. Мексиканцы сидели на лестнице у спортзала. Черные — на скамейках перед главным входом. Сальвадорцы — в дальнем конце двора, у забора, где тень от здания падала ровно в полдень. Пересекаться было не принято, но и открытой вражды не было — скорее вооруженный нейтралитет.

Алекс не сидел нигде. Он вообще не тусовался на переменах — брал книгу и уходил в библиотеку, которая помещалась в подвальном помещении без окон. Библиотекарша, миссис Харпер, пускала его даже в те часы, когда библиотека формально была закрыта. Она была старая, белая, с дрожащими руками и пахла лавандой, но Комптон не пугал ее — она прожила здесь сорок лет и говорила, что бояться нужно не района, а людей, которые делают вид, что района не существует. Алекс был ее любимцем. Она откладывала для него книги — фантастику, биографии, научпоп. Он проглатывал их запоем, лежа на диване в гостиной, пока мать проверяла тетради. В доме было тихо, только ветер шуршал лимонными листьями за окном.

Однажды — Алексу было тринадцать — он наткнулся в библиотеке на книгу про Мохаммеда Али. Старая, потрепанная, с загнутыми уголками и пятном от кофе на обложке. Он взял ее скорее от скуки — спорт его не интересовал, а бокс казался глупым мордобоем, — но открыл первую страницу и не заметил, как пролетел вечер. В книге была фотография: молодой Али, тогда еще Кассиус Клей, стоит над поверженным соперником — руки в перчатках подняты, лицо сияет, толпа ревет. И цитата внизу: «Тот, кто не настолько смел, чтобы рисковать, ничего не добьется в жизни».

Он перечитал эту фразу три раза. Переписал в блокнот. Дома, лежа в постели, все думал о ней. Смелость. Что это вообще такое? Он не считал себя смелым. Он был тихим, незаметным, всегда держался в тени. Когда в классе кто-то начинал бузить, он не делал замечаний — просто

ждал. Когда старшие парни отбирали у младших деньги на обед, он не вмешивался — проходил мимо, опустив глаза. Не из трусости — скорее из убеждения, что это не его дело. Но была ли в этом смелость? Или ее отсутствие?

Он закрыл глаза и представил ринг. Канаты. Свет прожекторов. Себя — в перчатках, напротив противника. Сердце колотилось даже в воображении. Страх — вот что это было. Страх получить по лицу, страх унижения, страх боли. Но где-то за страхом мерцало что-то еще — любопытство. А что, если? Что, если попробовать?

Зал назывался «Кингз-джим». Вывески не было — только ржавая дверь, выкрашенная в зеленый цвет, который от времени стал не зеленым, а каким-то болотным, с потеками и царапинами. Дверь вела вниз, в подвал, где когда-то был склад автозапчастей. Склад разорился в девяностых, помещение пустовало, а потом его выкупил Реймонд «Рей» Уильямс, бывший боксер-тяжеловес, и устроил там зал. Не из коммерческих соображений — аренда была копеечная, доходов почти не было, — а просто потому, что Рей не умел ничего другого и не хотел учиться.

Алекс спускался по лестнице первый раз в жизни и чувствовал, как пахнет: потом, кожей, аммиаком, старым железом. Запах был тяжелый, густой, он обволакивал и не отпускал — потом Алекс будет возвращаться к этому запаху в памяти много лет спустя, и каждый раз он будет означать что-то вроде дома. Второго дома. Мужского.

Внутри было почти пусто. Три боксерских мешка висели под низким потолком на цепях, которые жалобно скрипели при каждом ударе. Мешки были старые, перемотанные скотчем в местах разрывов, но набиты туго — Рей сам набивал их песком и тряпками, не доверяя фабричным. В углу стоял ринг — не полноразмерный, чуть меньше стандарта, с канатами, обмотанными изолентой. Вдоль стен тянулись железные шкафчики с облупившейся краской и без замков — Рей считал, что замки только провоцируют воров, а если замка нет, то воровать нечего. Пол бетонный, покрытый матами, такими старыми, что они крошились под ногами и оставляли на подошвах черную резиновую пыль.

Рей сидел на складном стуле в углу и читал газету. При виде Алекса он не встал, не поздоровался — только опустил газету на колени и посмотрел долгим взглядом, каким смотрят на лошадь, которую привели на продажу.

— Чего тебе? — Голос у него был низкий, с хрипотцой, как будто он только что проснулся.

— Хочу боксировать.

Рей хмыкнул. Оглядел Алекса с головы до ног — медленно, без стеснения. Худой, длинный, руки болтаются как плети, коленки торчат. Подбородок острый, скулы широкие — хорошая кость, это Рей отметил сразу. Глаза ясные, смотрят прямо, не бегают.

— Ты ж дрищ, — сказал Рей. — Соплей перешибешь, и дух вон.

— Знаю.

— А зачем пришел тогда?

Алекс замялся. Он не знал, как объяснить. Как объяснить чужому мужику, бывшему боксеру, что ты прочитал книгу про Али и не можешь спать уже неделю? Что в груди что-то зудит и требует выхода? Что страх, с которым ты прожил тринадцать лет, вдруг стал невыносимым?

— Не знаю, — сказал он честно. — Просто хочу. Попробовать.

Рей сложил газету, встал. Он был огромный — под метр девяносто, с плечами, как дверной проем, и руками, похожими на два окорока. Подошел к Алексу, тронул его за плечо — не сильно, но ощутимо.

— Бокс — это не кино, — сказал он. — Это боль. Это синяки. Это кровь из носа каждую неделю. Это когда ты устаешь так, что не можешь поднять руку, а тебе говорят: еще десять раз. Ты готов к этому?

— Не знаю, — снова сказал Алекс. — Но хочу узнать.

Рей долго смотрел на него, и что-то в его лице изменилось — то ли одобрение, то ли просто воспоминание о себе самом тридцать лет назад, когда он, такой же тощий и голодный, пришел в старый зал в Окленде.

— Ладно. Разминка. Пять кругов по залу. Потом посмотрим.

Алекс пробежал пять кругов, и его вывернуло в углу, прямо на старый мат. Рей стоял рядом и даже бровью не повел.

— Ничего. Со всеми бывает. Завтра придешь — будет шесть кругов.

Он пришел завтра. Потом послезавтра. Потом каждый день — шесть дней в неделю, кроме воскресенья, потому что по воскресеньям Рей ходил в церковь, а потом пил пиво и смотрел бейсбол. Воскресенье было выходным, но Алекс все равно делал зарядку дома — отжимался от пола, качал пресс, работал над дыханием. Мать заметила перемену, но ничего не сказала — только однажды, когда он после тренировки рухнул на диван, погладила его по голове и сказала: «Ты стал сильнее». Это была самая большая похвала в его жизни.

Рей гонял его беспощадно. Первые полгода — никакого спарринга, только база. Скакалка — час в день, до кровавых мозолей на ступнях. Бой с тенью перед зеркалом — Рей стоял сзади и поправлял каждое движение: «Локоть выше! Подбородок опусти! Не тяни плечо!» Мешок — три раунда по три минуты, и горе тому, кто опускал руки в конце раунда. «Ты устал? — орал Рей. — Хорошо! Вот тут-то ты и получаешь в голову! В конце боя быют сильнее всего, потому что ты уже не защищаешься! Не смей опускать руки!»

Алекс не опускал. Он падал без сил, но руки держал. Он был послушным учеником — не из страха перед Реем, а из уважения к тому, что Рей делал. Старый боксер не брал с него денег первые полгода — видел, что у парня нет. «Расплатишься потом, — говорил он. — Когда станешь чемпионом, купишь мне пива». Алекс кивал и продолжал работать.

Через восемь месяцев Рей впервые поставил его в спарринг. Противник — парень постарше, лет семнадцати, коренастый, с быстрыми руками и неприятной ухмылкой. Звали его

Маркус, он тренировался с детства и уже пару раз выигрывал юниорские турниры. Рей свистнул, и они сошлись в центре ринга.

— Работаем, — сказал Рей. — Легкий контакт. Без добивания. Покажи, чему научился.

Алекс помнил этот бой до мельчайших деталей. Как горели лампы под потолком — слепили, если смотреть прямо. Как Маркус двигался — легко, пружинисто, словно танцевал. Как он ударил первый раз — джеб в голову, быстрый, почти неуловимый. Алекс не успел среагировать, и кулак прилетел ему в лоб. Голова дернулась, во рту появился вкус крови — прикусил губу.

Второй удар пришел в корпус. Он сложил Алекса пополам — дыхание перехватило, перед глазами поплыли красные круги. Маркус не бил сильно, он работал на технику, но Алексу и этого хватало. Он понял, что проигрывает вчистую — не может ни защититься, ни контратаковать. Третий удар должен был прийти в голову, и Алекс уже видел его — апперкот, медленный, как в учебнике. Тело сработало раньше мозга. Он ушел в сторону, и кулак Маркуса просвистел мимо уха, едва не задев.

— Хорошо! — крикнул Рей. — Еще!

Алекс не выиграл тот спарринг. Он проиграл его всухую, пропустил еще с десятков ударов, но на лице его сияла улыбка. Он увидел третий удар. Увидел и ушел. Впервые в жизни он не просто терпел, а управлял ситуацией.

Когда спарринг закончился, он подошел к Рею. Тот пил воду из бутылки, ухмыляясь в усы.

— Ну, что скажешь? — спросил Алекс, тяжело дыша.

— Скажу, что ты не безнадежен, — ответил Рей. — Большинство ломаются после первого. Ты не сломался. Это хорошо. Но не обольщайся — ты пока что мешок. Просто мешок, который умеет уворачиваться. Будем работать.

Они работали. Дни складывались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы. Алекс рос — не только в смысле бокса. Менялась походка, менялся взгляд, менялось то, как он держал голову. Он перестал сутулиться. Плечи расправились, подбородок поднялся. Он начал смотреть людям в глаза — не с вызовом, а спокойно, прямо, как смотрит человек, который знает, что может за себя постоять. Одноклассники заметили это и отреагировали каждый по-своему: кто-то зауважал, кто-то стал сторониться, кто-то попытался проверить, не зазнался ли. Пару раз приходилось драться — не в зале, а на улице, серьезно. Он не искал эти драки, но и не убегал. Бил жестко, но без жестокости — ровно столько, сколько нужно, чтобы от него отстали. После второго раза проверять перестали.

Учителя тоже заметили перемену. Миссис Родригес однажды спросила его после урока: «Алекс, что с тобой произошло? Ты стал другим». Он пожал плечами: «На бокс записался». Она подняла брови, но ничего не сказала — только кивнула, словно поняла что-то, чего он сам еще не понимал.

К семнадцати годам Алекс Смит-младший превратился в того человека, которым хотел стать, когда читал книгу про Али. Высокий, метр восемьдесят пять, с широкими плечами пловца и узкой талией, с лицом, которое девочки в школе называли «интересным» — не красивым в классическом смысле, но запоминающимся. Скулы, доставшиеся от матери, острые и высокие. Глаза темные, с тяжелыми веками, как у отца — он помнил это по фотографиям. Улыбка редкая, но открытая, и когда он улыбался, становился похож на мальчишку, каким был когда-то.

В школе он теперь сидел не на последней парте, а на третьей от окна — ближе к центру, но все еще с хорошим обзором. На переменах не прятался в библиотеку, а стоял с остальными у входа, иногда перебрасывался шутками с парнями, иногда просто слушал. Шутки у него были негромкие, но точные — он научился замечать смешное в обыденном и говорить об этом коротко, без лишних слов. Люди смеялись.

Дома все было по-прежнему. Карен работала, уставала, проверяла тетради за кухонным столом. Алекс помогал — мыл посуду, выносил мусор, два раза в месяц ходил с ней в прачечную и таскал корзины с бельем. Они жили тихо, но теперь в этой тишине не было напряжения. Алекс больше не боялся — ни за себя, ни за нее. Он знал, что может ее защитить. От кого — он не думал, но само знание давало покой.

Страх ушел. Не совсем — полностью страх не уходит никогда, если ты не идиот, — но перестал быть хозяином. Раньше страх сидел где-то в животе и диктовал, что делать: опусти глаза, промолчи, не лезь, отойди. Теперь он сидел в углу сознания, как старый знакомый, которому больше не наливают. Алекс знал о его присутствии, но не подчинялся. Это была свобода — та самая, о которой писал Али.

Глава 2. Кроссовки

В тот день все пошло не так с самого утра. Алекс проспал — будильник не сработал, телефон разрядился, и он вскочил за пятнадцать минут до звонка. В ванной не оказалось горячей воды — бойлер снова барахлил, — пришлось мыться ледяной, стиснув зубы. Завтрак подгорел: тост застрял в тостере и задымился, Карен кричала из своей комнаты «Алекс, что ты там жжешь?!», а он орал в ответ «Ничего, мам, все нормально!» и пытался выковырять горелый хлеб вилкой. В школу он бежал бегом, опоздал на пять минут, и миссис Паттерсон, старушка-вахтерша, ехидно заметила: «Мистер Смит, вы сегодня осчастливили нас своим присутствием». Он отшутился, но настроение было подпорчено.

После школы он пошел в библиотеку — надо было сдать книгу по биологии, которую он держал уже месяц. Библиотека была закрыта: на двери висела бумажка «Санитарный день». Он чертыхнулся, развернулся и пошел домой по обычному маршруту — Алондра, поворот на Манхэттен-Бич, мимо прачечной, мимо заброшенной автомойки с граффити «RIP T-Bone» на стене, мимо пустыря, где местные жгли покрышки. Солнце висело низко, воздух был оранжевым от пыли и смога, тени вытянулись через всю улицу.

На ногах у него были белые Nike Air Force 1 — новые, хрустящие, с иголочки. Мать подарила их на шестнадцатилетие. Он помнил, как открывал коробку — синюю, с логотипом, — и чувствовал запах новой кожи, смешанный с запахом ее духов. Она стояла рядом, закусив губу, и ждала его реакции. «Ну как? Подходят?» Он обнял ее так крепко, что она охнула. Она копила на эти кроссовки почти год. Откладывала по двадцать, по тридцать долларов в жестяную банку из-под печенья, спрятанную за кастрюлями. Он знал про банку — случайно нашел, когда мыл посуду, но ни разу не заглянул внутрь. Это были ее деньги, ее секрет, ее подарок.

Кроссовки сияли. Они были белее всего, что носили в Комптоне. Алекс берег их — чистил зубной щеткой, не надевал в дождь, обходил лужи за квартал. В тот день он надел их просто потому, что настроение было дрянь, а кроссовки поднимали дух.

Он не заметил, как они подошли. Просто в какой-то момент трое парней выросли из-за угла старой прачечной и встали поперек тротуара, перегородив путь.

Первый — коренастый, лет девятнадцати, в черной майке, открывавшей татуировки на плечах. Татуировки были тюремного качества — синие, расплывшиеся, с ошибками в буквах. На левом плече — «Cuprсс» (именно так, без одной «s»), на правом — распятие, но перевернутое. Он был главным — это чувствовалось по тому, как он стоял, как смотрел, как щербато улыбался. Зубы у него были плохие, желтые, одного переднего не хватало.

Второй — лысый, с головой, блестящей от пота, и руками в шрамах. Шрамы были старые, белесые, похожие на червей, вползших под кожу. В пальцах он вертел нож — не угрожая, а просто по привычке, как вертят зажигалку.

Третий — тощий, с прыщавым лицом и бегающими глазами. Он нервно переступал с ноги на ногу и все время оглядывался через плечо — не идет ли кто. Он явно был младшим в этой троице и боялся больше остальных.

— О, чел, — сказал коренастый и присвистнул, глядя на кроссовки. — Это че такое? Это че за красота? Дай глянуть.

Алекс остановился. Он стоял в пяти шагах от них, руки свободно опущены, дыхание ровное. Ни страха, ни злости — только спокойный расчет. Он уже знал, чем это кончится.

— Обычные кроссовки, — сказал он. — Ничего особенного.

— Обычные? — коренастый сделал вид, что удивлен. — Слышь, Дже-Ти, он говорит — обычные. А я смотрю — новые. Свежие. Прямо с витрины. Какой размер?

— Одиннадцатый.

— Одиннадцатый! — коренастый хлопнул себя по ляжкам. — Ты слышал, Дже-Ти? Одиннадцатый! У меня как раз одиннадцатый. Это судьба, чел. Снимай. Дай померить.

Лысый перестал вертеть нож и теперь держал его в опущенной руке. Тощий нервно хихикнул.

Алекс смотрел на них. Он видел всех троих одновременно — спасибо Рею, который годами гонял его на реакцию, заставляя уворачиваться от двух, а потом и от трех спарринг-партнеров разом. Коренастый — опасен, но неповоротлив. Лысый — быстрее, но левша, а левшей Алекс спарринговал каждую неделю. Тощий — не боец, скорее зритель. Нож у лысого в левой руке — странно. Значит, не умеет с ним обращаться.

— Послушай, — сказал Алекс. Голос у него был ровный, без дрожи. — Я не хочу проблем. Я просто иду домой. Дайте пройти.

— А никто тебя не держит, — коренастый улыбнулся еще шире. — Только кроссы оставь. И дуй себе. Домой. К мамочке.

При слове «мамочка» тощий снова хихикнул. Лысый переложил нож из левой руки в правую — Алекс отметил это и мысленно скорректировал план.

— Нет, — сказал он.

Улыбка коренастого слегка потускнела.

— Чего «нет»?

— Кроссовки не снимаю. Не проси. Они мне дороги. — Алекс чуть сместил вес на правую ногу, готовясь к броску. — Дайте пройти. Последний раз прошу.

Коренастый перестал улыбаться совсем. Он шагнул вперед — тяжело, вразвалку, как ходит человек, который привык, что перед ним расступаются. Алекс стоял на месте. Когда расстояние сократилось до вытянутой руки, он увидел то, что и ожидал: правая нога впереди, левая сзади, вес смещен вперед. Коренастый замахнулся — широкий, медленный свинг, каким

бьют в барах, когда хотят не столько ударить, сколько напугать. Кулак пошел по дуге. Алекс нырнул под него — левое плечо вниз, вес на переднюю ногу, — и пробил прямой правой.

Кулак вошел в челюсть с глухим, влажным звуком. Такого звука Алекс не слышал ни на одном спарринге — там были перчатки, капа, шлем. Здесь — ничего, только кость о кость. Коренастый рухнул. Не покачнулся, не попытался устоять — просто выключился на середине движения, и его тело мешком осело на асфальт.

Лысый дернулся вперед. Алекс сместился влево, уходя от ножа, и ударил ногой в колено — коротко, без замаха, вкладывая вес тела. Колено хрустнуло. Лысый взвыл и выронил нож. Алекс подхватил нож с асфальта, сложил и швырнул в кусты. Лысый сидел на асфальте, держась за колено, его лицо было бледным.

Тощий попятился. Он споткнулся о бордюр, замахал руками и упал на задницу в лужу засохшего машинного масла. Алекс сделал шаг к нему. Тощий вскинул руки, закрывая лицо.

— Не бей! Не бей! Я ничего! Я просто с ними был!

Алекс остановился. Тощий дрожал. На вид ему было лет шестнадцать, не больше. Прыщи, жидкие усики, старая футболка с логотипом «Лейкерс». Алекс вдруг увидел в нем себя — каким он был до того, как пришел к Рею. Испуганный мальчишка, который прибил к сильным в надежде, что сила защитит и его.

— Забирай его, — сказал Алекс, кивнув на коренастого, который уже начал приходить в себя и мычал что-то невнятное, лежа лицом в асфальте. — И этого, — он кивнул на лысого. — И валите. Если еще раз вас увижу — будет хуже.

Тощий закивал, помог лысому встать. Лысый хромал, опираясь на тощего. Коренастого они подняли вдвоем, подхватили под руки. Он висел мешком и что-то бормотал разбитыми губами. Алекс стоял и смотрел, как они уходят — ковыляя, спотыкаясь, растворяясь в оранжевом мареве заката.

Драка заняла пятнадцать секунд. Может, двадцать. Алекс даже не запыхался.

Он нагнулся, подобрал свой рюкзак, который сбросил перед дракой. Осмотрел кроссовки — на правом была капля крови. Он стер ее пальцем. Кровь была чужая.

И тут из черного джипа, припаркованного на углу, вышел человек.

Глава 3. Паук

Джип Алекс заметил краем глаза еще до драки. Здоровенный Escalade, черный, блестящий, с тонированными стеклами и хромированными дисками, которые вращались даже когда машина стояла на месте. Такие тачки в Комптоне не паркуются просто так. Если стоит — значит, ждет. Если ждет — значит, внутри кто-то важный.

Человек, который из него вышел, был невысоким, ниже Алекса на полголовы, но в нем чувствовалась сила, не зависящая от роста. Жилистый, сухой, с лицом цвета старой меди — цвет этот бывает у людей, которые провели много лет под солнцем, не калифорнийским, а другим, южным, беспощадным. На левом виске татуировка — паутина, тонкая, искусная, расходящаяся от уголка глаза к уху и вниз, к челюсти. Татуировка была старая, но ухоженная, и в ней было что-то гипнотическое. Если долго смотреть, начинало казаться, что паутина шевелится.

Одет он был просто: белая футболка без надписей, темные джинсы, черные кроссовки. На запястье — часы, стальной Rolex Submariner, потертый, выдавший виды, но явно настоящий. На пальце — кольцо с черным камнем, не обручальное, а какое-то масонское или просто дорогое. Он курил — сигарета дымилась в длинных, тонких пальцах, и дым вился в вечернем воздухе, как ленивая змея.

— Красиво, — сказал он, подходя ближе. Голос был низкий, с легким акцентом — испанским, но не мексиканским, а каким-то другим, более жестким, может, сальвадорским или гватемальским. — Очень красиво. Я смотрел от начала до конца.

Алекс молчал.

— Ты знаешь, кто это был? — человек кивнул в сторону, куда ушли трое.

— Нет.

— Это Ди-Ло. Он местный, из «Сайпресс-бойз». Мелкая банда, но мстительная, как осиное гнездо. Ты сейчас вырубил их главного. Не рядового бойца — главного. Вожака. Того, кто решает вопросы. Они тебе этого не простят. — Он затянулся и выдохнул дым через нос. — Ты понимаешь, что теперь будет?

— Понимаю.

— А почему тогда не испугался?

Алекс посмотрел на него прямым взглядом.

— Я боксирую четыре года. В зале «Кингз-джим», на Алондра. Мой тренер — Реймонд Уильямс. Он говорит: страх — это нормально. Но поддаваться страху — нет.

Человек поднял бровь.

— Реймонд Уильямс. Рей. — Он покачал головой, и на его лице мелькнуло что-то вроде ностальгии. — Рей еще тренирует?

— Тренирует.

— Я его знал. Давно. Лет пятнадцать назад. Он тогда еще на ринг выходил — проиграл нокаутом какому-то кубинцу, страшному, как смертный грех. Рей держался четыре раунда. Потом упал, и я думал — все, не встанет. А он встал. И еще два года боксировал после этого. Упрямый мужик.

— Он и сейчас упрямый.

— Верю. — Человек бросил окурок на асфальт и растоптал его носком кроссовки. — Меня зовут Паук.

Он протянул руку. Ладонь была сухая, крепкая, с мозолями у оснований пальцев — такие мозоли бывают от оружия, не от работы. Алекс пожал руку и назвал себя.

— Алекс, — повторил Паук, пробуя имя на вкус. — Простое имя. Хорошее. У меня дочь так зовут. Александра. Мы ее тоже зовем Алекс. — Он помолчал, глядя куда-то поверх плеча парня, и что-то в его лице смягчилось, потом снова затвердело. — Слушай, Алекс. Я не грабитель. Я не бандит с большой дороги. Я работаю на людей, у которых есть бизнес. Бизнес разный — где-то автомастерские, где-то бары, где-то транспорт. Иногда — особого толка. Но я не втрапливаю в это молодых. Те, кто на меня пашет, не стреляют, не торгуют, не подставляют. Водители. Охранники. Люди, которые умеют держать язык за зубами и не теряют голову, когда горячо.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что ты только что вырубил троих и глазом не моргнул. Потому что ты умеешь драться, но в драку не лезешь. Потому что ты спокоен, как удав, а в твои годы я орал матом и махал пушкой, которой у меня не было. — Паук достал из кармана новую сигарету, но не закурил — вертел в пальцах. — И еще потому, что этим троим ты теперь будешь нужен как кость в горле. Ди-Ло не простит. Его пацаны не простят. «Сайпресс-бойз» — это тридцать человек, Алекс. Не все из них бойцы, но стволы есть у многих. Один ты против них не выступишь.

— У меня нет ствола.

— И не надо. Ствол без мозгов — билет в морг. Но защита тебе понадобится. Я предлагаю работу. Водителем. Иногда — телохранителем, когда ко мне приезжают гости из Мексики. Встретить, отвезти, проследить, чтобы никто не приставал. Никакой наркоты. Никакой стрельбы. Никаких мокрых дел.

— А гости из Мексики — это кто?

Паук усмехнулся.

— Ты умный. Это хорошо. — Он наконец закурил, глубоко затянулся. — Гости из Мексики — это люди, с которыми у моего бизнеса контракты. Они не американцы. Им нужна

крыша, когда они здесь. Крыша — это я. Им нужен транспорт. Транспорт — это ты. Что они делают в Мексике, тебя не касается. Что они делают здесь, тоже не касается. Ты просто встречаешь, отвозишь, улыбаешься и держишь рот закрытым.

— Сколько?

— Две тысячи в неделю. На руки. Плюс премии, если работа нервная. Плюс медицинская страховка — хорошая, не та, что у моей бывшей жены. — Паук хмыкнул собственной шутке, но никто не засмеялся.

Алекс слушал. Две тысячи в неделю — это сто четыре тысячи в год. Его мать зарабатывала сорок две. До вычета.

— Мне нужно подумать.

— Думай. — Паук протянул ему визитную карточку — белый прямоугольник, на котором был написан только номер. — Но недолго. Ди-Ло очухается и начнет звонить. У него есть старшие. У старших есть свое начальство. Долго ждать они не будут. Когда решишь — позвони.

Он развернулся и пошел к джипу, но на полпути остановился и обернулся.

— Алекс.

— Да?

— Ты хорошо держался. Я таких пацанов редко вижу. Не зарывай талант. Здесь, — он обвел рукой улицу, прачечную, пустырь с покрывками, — здесь талант либо уходит в землю, либо идет на дело. Выбирай.

Он сел в джип. Машина мягко отъехала, почти бесшумно, и растворилась в сгущающихся сумерках. Алекс остался стоять на тротуаре с карточкой в руке.

Глава 4. Счет

Две недели спустя Карен Смит упала прямо в классе.

Был обычный вторник. Она вела урок чтения у второго класса — сидела на маленьком стульчике перед ковриком, на котором расселись дети, и читала вслух «Паутину Шарлотты». Она любила эту книгу. Читала ее своему сыну, когда ему было пять, и теперь читала чужим детям с тем же выражением — мягко, с паузами, меняя голоса за разных персонажей. Дети слушали, открыв рты.

На середине главы она замолчала.

Книга выпала из рук. Она попыталась встать — ноги не слушались. Потом мир покачился, и она повалилась на бок, ударившись головой о край стола. Дети закричали. Учительница из соседнего класса, миссис Гарсиа, услышала шум и вбежала. Карен лежала на полу, бледная, с закатившимися глазами, и из ранки на виске текла кровь.

Скорая приехала через двадцать минут — стандартное время для Комптона, где на вызовы в неблагополучные районы диспетчеры отправляли машины без особой спешки. Карен к тому моменту пришла в себя и пыталась встать, но санитары уложили ее на носилки. «Давление упало, — говорила она. — Со мной такое бывает. Отпустите меня, у меня еще три урока». Ее не отпустили.

Алекс узнал об этом только вечером. Он пришел из школы, дома никого не было. На автоответчике — сообщение от миссис Гарсиа: «Алекс, это насчет твоей мамы. Она в больнице. Не волнуйся, с ней все в порядке, но ты должен приехать». Он набрал номер больницы и двадцать минут висел на линии, слушая гудки и равнодушные переключения оператора, пока наконец не дозвонился до регистратуры.

Больница называлась «Мартин Лютер Кинг-младший Комьюнити Хоспитал» — длинное бетонное здание на восточной окраине, построенное в семидесятых на федеральные гранты и с тех пор не видевшее ремонта. В вестибюле пахло хлоркой и подгоревшим кофе из автомата. На скамейках сидели люди с лицами, которые в Комптоне встречаешь повсюду: уставшие, терпеливые, привыкшие ждать. Кто-то кашлял, кто-то дремал, привалившись к стене, кто-то смотрел в телефон. Охранник на входе — толстый, сонный — махнул рукой, даже не спросив пропуск.

Карен лежала в общей палате на шесть коек. Койки были отделены друг от друга занавесками. Занавески задернуты не до конца, и было видно соседей: старуху, которая спала с открытым ртом; молодую женщину с перевязанной головой; девушку-подростка, которая плакала и отворачивалась к стене. Палата была переполнена — шестая койка стояла прямо в проходе, и санитары все время цеплялись за нее каталками.

Карен лежала на спине, укрытая больничным одеялом. Под носом — трубка кислорода, на руке — капельница. Она была бледна, но в сознании. Увидев Алекса, попыталась улыбнуться, и улыбка вышла жалкая, дрожащая, как отражение в воде, когда кидаешь камень.

— Привет, милый.

— Привет, мам. — Он сел на край кровати и взял ее за руку. Рука была холодная, легкая, как птичья лапка. — Что случилось?

— Ничего. Просто упала. Давление. Врачи говорят, надо сделать анализы.

— Какие анализы?

— Не знаю. Какие-то. Кровь взяли, еще что-то. — Она закрыла глаза на секунду, потом снова открыла. — Не волнуйся. Это ерунда. Скоро домой.

Алекс сидел и смотрел на нее. Он видел, что она лжет. Не в том смысле, что анализы не нужны, — в том, что это не ерунда. Он видел ее желтоватую кожу, ее ввалившиеся щеки, ее руки, ставшие вдруг такими тонкими. Когда она успела так похудеть? Он не замечал. Был занят школой, боксом, своими делами — а она худела, тихо, незаметно, месяц за месяцем, и он не заметил.

Анализы делали десять дней. Десять дней Карен лежала в больнице, и Алекс приезжал к ней каждый день после школы. Он сидел у кровати, рассказывал про книжки, про тренировки, про то, что куст во дворе дал новые лимоны. Она слушала, иногда улыбалась, но с каждым днем становилась все тише. Глаза у нее запали. Кожа приобрела желтоватый оттенок, который уже нельзя было списать на плохое освещение.

Потом его вызвал доктор Ли.

Кабинет был маленький, душный, с голыми стенами. На столе — монитор, клавиатура, стопка бумаг, чашка с остывшим кофе. Доктор Ли сидел, сгорбившись, и смотрел в бумаги, словно искал там что-то, чего не мог найти. Алекс сел напротив.

— Алекс, — начал доктор Ли. Голос у него был тихий, уставший. — Я должен тебе кое-что рассказать. Твоя мама очень больна.

— Я знаю. Она упала.

— Дело не в падении. Падение — это симптом. У нее рак. Рак поджелудочной железы. — Он сделал паузу, давая словам улечься. — Аденокарцинома. Четвертая стадия. Опухоль распространилась в лимфатические узлы и печень.

Алекс смотрел на него. Слова доходили медленно, как будто через толстый слой ваты. Рак. Поджелудочная. Четвертая стадия. Метастазы. Печень. Он слышал их все, но они не складывались в общую картину. Не могло такого быть. Мать не могла быть больна. Только не она.

— Что это значит? — спросил он. Голос был чужой, механический.

— Это значит, что мы не можем удалить опухоль. Она слишком большая и слишком глубоко проросла. Мы можем предложить химиотерапию. Паллиативную. Чтобы замедлить процесс. Чтобы дать ей больше времени.

— Больше времени — это сколько?

Доктор Ли снял очки и принялся их протирать — нервный жест, который Алекс запомнил на всю жизнь.

— Месяцы. Может, полгода. С лечением — возможно, до года. Но это не точно. Рак поджелудочной очень агрессивен.

В кабинете повисла тишина. Где-то за дверью катили каталку, слышался гул голосов, писк приборов. Здесь, внутри, было тихо, как в склепе.

— Сколько стоит лечение? — спросил Алекс.

— Прости?

— Химиотерапия. Сколько она стоит?

Доктор Ли снова надел очки, нажал несколько клавиш на компьютере, взгляделся в экран.

— Полный курс, с учетом препаратов и госпитализации, — около ста тысяч долларов. Страховка твоей мамы покрывает сорок процентов. Остается примерно шестьдесят тысяч из собственных средств.

— Шестьдесят тысяч, — повторил Алекс. Цифра звучала как приговор.

— Да. Плюс-минус. Можно разбить на платежи. Можно оформить кредит. Есть программы помощи, но на них очередь.

— Ей нужна химиотерапия сейчас. Не когда подойдет очередь.

— Понимаю. — Доктор Ли вздохнул. — Я сделаю все, что смогу. Но система, к сожалению, работает так, как работает.

Алекс вышел из кабинета. Прошел по коридору, сел на скамейку у автомата с газировкой и долго сидел, глядя в одну точку. Мимо шли люди — медсестры, санитары, посетители. Они обтекали его, как вода обтекает камень. Он не замечал.

Шестьдесят тысяч долларов. Его мать умирала, и цена ее жизни была шестьдесят тысяч.

Алекс думал о том, как она вставала в пять утра. Как ехала на двух автобусах. Как проверяла тетради до полуночи. Как копила ему на кроссовки, откладывая по двадцать долларов в жестяную банку. Как говорила: «Я не хочу оставлять тебя с якорем». Якорь — это долги. Она боялась оставить его с долгами. А теперь он должен был выбрать: долги или ее жизнь. И выбора на самом деле не было. Она бы не согласилась — он знал. Она бы сказала: «Не бери кредит. Не влезай в долги. Живи своей жизнью». Но она была матерью, а он — сыном. И он не собирался сидеть сложа руки и смотреть, как единственный близкий человек уходит, потому что у него нет нужной суммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.